

Следователю _____
_____
_____

защитника _____,

адрес: _____

тел. _____

в интересах _____

ХОДАТАЙСТВО
о прекращении уголовного дела
(в порядке ст. ст. 119-120 УПК РФ)

Постановлением следователя М. СЧ СУ при УВД по _____ области от 29.05.2009г. возбуждено уголовное дело № .. в отношении конкретных лиц, в связи с совершением преступления, предусмотренного частью 4 ст. 204 УК РФ.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В ходе производства предварительного расследования установлено, граждане Т. и М., находясь при исполнении своих служебных обязанностей и являясь лицами, исполняющими управленческие функции в коммерческой организации, получили от гр. Б. – Генерального директора ООО «КВКс» денежные средства в размере одного миллиона рублей в рамках реализации соглашения о прощении долга в сумме 1 656 633 рубля от 22.05.2009г., заключенного между ЗАО КРТ и компанией – должником ООО «КВКс».

Однако довести свой замысел до конца и внести полученные денежные средства в кассу завода, не представилось возможным, поскольку при получении указанной суммы гр. Т и М были задержаны сотрудниками правоохранительных органов.

По смыслу ст. 14 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого (подозреваемого).

Однако, в ходе предварительного расследования неоспоримых доказательств, подтверждающих виновность гр. Токарева и Минакова в

совершении инкриминируемого деяния, органом уголовного преследования не добыто.

На основе анализа всей совокупности доказательств, собранных по делу и в частности показаний подозреваемых Т. и М., свидетеля Б. свидетелей М., Г., Д. Ф., Я., Ш., Д., Р., Щ., А. и с учетом сведений о содержании разговоров между представителями КРТ с Б., изложенными в приложениях № 1 и № 8 к заключению фоноскопической экспертизы № .., следует неоспоримый вывод об отсутствии признаков состава какого-либо деяния, наказуемого нормами Особенной части УК РФ в действиях граждан Т. и М.

Так, будучи допрошенным в качестве подозреваемого, Т. категорически отрицал свою причастность к совершению преступления и заявил, что действовал в соответствии со своими полномочиями, в исключительных интересах предприятия и с согласия высшего руководства ЗАО «КРТ». При дополнительном допросе, подозреваемый пояснил:

...25 марта 2009г. состоялось решение рабочей группы (ревизионной комиссии) завода о признании целого ряда должников завода безнадежными должниками. В заседании комиссии участвовали Ф., Я., П., Д. и другие лица. По результатам вынесенного решения был составлен акт. Данный перечень компаний, признанных безнадежными должниками, был утвержден на Совете Директоров Общества. Копии этих документов уже представлялись следствию для приобщения к материалам уголовного дела.

Безнадежными должниками были признаны несколько компаний и в том числе компания КВКс. Сумма долга составляла 1 656 633 рубля. Юридический отдел ранее проводил определенную работу с целью взыскания задолженности с этой компании. Завод обратился в суд с соответствующим иском и решением арбитражного суда Курской области, компании КВК было предписано произвести полный расчет с заводом.

ООО «КВКс» данное судебное решение проигнорировало и от погашения задолженности уклонилось. На основании решения суда, было возбуждено исполнительное производство, и судебные приставы занимались розыском должника с целью понудить его к возврату долга. Однако, мероприятия службы судебных приставов не принесли результата, т.к. приставы не могли найти офис КВКс и поэтому письмом от № ....от 12.07.2007г. судебные приставы уведомили завод, что должник не найден и сведений об имуществе не имеется.

На основе данного письма, ревизионной комиссией было принято решение о признании ООО «КВКс» безнадежным должником. Службе безопасности завода было дано поручение провести проверку данного должника, в виду наличия сомнений в обоснованности позиции судебных приставов об отсутствии должника и отсутствии имущества.

По поручению рабочей группы и с согласия Генерального директора ЗАО «КРТ» Г. В.Н. мы с М. начали работать по этому направлению. Местонахождение офиса и телефон компании мы быстро установили. Офис компании находился по адресу: г. Курск, пр. Победы 4, хотя в договоре субподряда (договор по которому образовался долг) был указан другой адрес КВКс.

Я с М. поехал в офис компании для проведения переговоров. Наша первая встреча с Б. произошла в офисе КВК примерно в апреле 2009 года. Мы приехали, представились и спросили, признает ли Б. задолженность перед КРТ в сумме 1 656 633 рубля и намерен ли он ее погасить?

Большаков признал всю сумму задолженности и сказал, что таких денег у него нет. Сразу же при первой встрече, он заявил, что может отдать нам автомобиль ВАЗ 2106 и гараж, принадлежащие ему либо КВК, мы это не уточняли. Взамен на это, он хочет, что бы завод простил ему оставшуюся часть долга.

Такое предложение мы сразу отклонили. Мы отказались от его имущества и посоветовали ему самому заняться реализацией, а с заводом рассчитаться деньгами. Он согласился и сказал, что за гараж с машиной сможет выручить 450-500 тысяч рублей.

Я сказал Б., что мы не уполномочены решать вопрос о прощении долга, но если он сможет собрать миллион рублей, тогда возможно обсуждение с руководством КРТ предложенной им схемы по прощению оставшейся части долга. Мы предложили ему приехать в офис и самому все обсудить с Г., но, к нашему удивлению, он отказался ехать на завод и просил нас провести переговоры по этим вопросам с Г., а он, со своей стороны, сказал, что возьмет кредит на оставшуюся сумму и наберет миллион рублей.

Большаков сказал нам, что миллион рублей он отдаст нам наличными, т.к. он не может провести эту сумму через расчетный счет своей фирмы из-за того, что будет обязан уплатить налоги и по другим причинам тоже, в частности он говорил про задолженность по зарплате своим сотрудникам или что-то в этом роде. Мы его именно так поняли. Взамен он требует простить ему всю оставшуюся сумму и отозвать исполнительный лист у приставов, вручив ему копию постановления пристава о прекращении исполнительного производства. Большаков твердо заявил нам, что не будет проводить этот миллион через свою бухгалтерию и нас просил уточнить у Г., сможет ли завод не проводить эти деньги через бухгалтерию.

На этом мы разошлись и договорились созвониться.

По приезду на завод, мы доложили Г. все предложения Б., Г. сказал, что он подумает о прощении долга. А в отношении того, что бы не проводить эти деньги по бухгалтерии завода, Г. сразу сказал, что если они будут получены от Большакова, как от физического лица наличными, то по заводской бухгалтерии это так и пройдет. Деньги от физического лица, а не от КВКс. Сказал нам, что ему необходимо дополнительно обсудить это с главным бухгалтером и юридическим отделом. Нам дал указание так же провести консультации со всеми службами завода и уточнить у Большакова устроит его такой вариант с бухгалтерией, что деньги от него получены, а не от КВК.

Я сейчас не помню с кем мы консультировались первые. Кажется, сперва мы задали вопрос о возможности прощения долга Ф.. Мы тогда не поясняли ей подробностей, а просто спросили, существует ли схема по прощению долга, если частично должник возместит долг. Я не помню сейчас точную дату обращения к Ф. по этому вопросу, но думаю, что это было после 15 мая 2009г., хотя могу ошибаться. Фартушная сказала нам, что, по ее мнению, прощение долга допускается. Я не помню, называли мы тогда Ф. какую-нибудь сумму или нет, но точно помню, что мы не уточнили, что речь идет именно о КВКс. При этом разговоре присутствовала Я.

Не помню, обсуждался тогда этот вопрос с Д. или нет. Не могу сейчас вспомнить. С Д., как я помню, было предметное обсуждение уже при согласовании текста соглашения примерно 25 мая 09г., а был ли с ним предварительный разговор, как с Фартушной, я не помню.

С руководством была согласована инициатива Б. по отзыву исполнительного листа и тогда было дано поручение Р. отозвать исполнительный лист.

Через несколько дней, после того, как я доложил Г. о предложении Б. о прощении долга и после отзыва исполнительного листа, Г. сказал мне, что он не возражает против прощения оставшейся части долга.

08.05.2009г. пристав вынес постановление о прекращении исполнительного производства и с этим документом мы вновь поехали к Б.. Точную дату, я не помню. Мы созвонились, сообщили ему, что выполнили его требования и готовы к встрече. Пригласили к нам на завод, но он снова отказался, и тогда мы поехали к нему в офис.

При этой встрече, Б. повел себя несколько странно. Он изменил свои условия и сказал, что кроме постановления пристава о прекращении исполнительного производства он требует от нас подписать соглашение о прощении долга, которое ему посоветовал его юрист. Он сказал, что такое соглашение будет для него гарантией, что потом мы не потребуем вновь с него долг. Кажется, именно при этой встрече, он сказал, что наличными отдавать деньги он передумал и перечислит миллион рублей безналичным расчетом после того, как будет подписано соглашение, хотя я могу ошибаться в хронологии событий. Может быть, он сказал про безналичную оплату не в эту встречу, а позже, т.е. когда мы привезли ему найденный Минаковым в интернете проект уведомления о прощении долга, который он забраковал. Точно я не помню когда Б. об этом говорил либо на этой встрече, когда он впервые сказал о необходимости подписания такого договора, который он видел в интернете и ему посоветовали это юристы его, либо в ходе следующей встречи. Точно вспомнить не могу. Точно помню, что Соглашение и постановление пристава он требовал отдать ему вперед и только потом он будет готов перечислить деньги на завод.

Мы сказали, что доложим Г. об изменении условий и уехали.

Мы доложили новые условия Г, что теперь речь идет о подписании соглашения о прощении долга. Г. дал указание согласовать все с юристами. М. нашел в интернете проект уведомления о прощении долга. Это было одностороннее уведомление, а не двустороннее соглашение. Мы показали его Р., и она сказала, что его надо доработать. Точно не помню, но, кажется, мы описали ей вкратце ситуацию, но не говорили, что это касается именно КВКс.

Минаков доработал это уведомление. Внес туда наши реквизиты, указал судебное решение о взыскании, но сумма прощенного долга не была указана. Потом через пару дней мы отвезли это Б.. Он при нас посмотрел на этот документ и сказал, что его такой вариант не устраивает. Мы договорились, что он тогда сам подготовит нужный ему вариант после проведения консультаций с его юристами и представит нам его.

Большаков снова вернулся к тому вопросу, что неизменным условием для него, является соглашение о прощении и постановление пристава, которые должны быть отданы ему вперед, а потом он переведет часть долга по безналичному расчету. В ходе этой встречи точно прозвучало, что он, т.е. Б. ведет речь о безналичном расчете, но не помню впервые это прозвучало или уже говорилось им ранее. В такой схеме, мы усматривали обман с его стороны, т.к. получив документы, освобождающие его от уплаты долга, он может потом просто нас обмануть и завод останется без денег. Мы сказали ему, что такая схема нас не устраивает.

Мы требуем наличные, как и раньше договаривались, в обмен на документы. Дело в том, что сама личность Б. стала вызывать у нас опасения, т.к. собирая информацию о нем, мы узнали, что он ранее судимый. Но тогда это была не проверенная еще информация. В любом случае, по такой схеме, как он

предложил, не исключался обман с его стороны и поэтому мы отказались, требуя наличные в обмен на документы.

Большаков предложил другой вариант, когда в соглашении будет прописано, что его компания ООО «КВК» возвращает миллион, а мы прощаем оставшуюся часть.

Мы понимали, что, если частично погашать задолженность будет юридическое лицо, то расчет так же будет производиться безналичным путем и такой вариант нас тоже не устраивал, потому что предполагал именно безналичный расчет между КВК и КРТ, а как я уже говорил выше, Б. требовал отдать документы вперед, что не соответствовало интересам завода, который рисковал остаться без денег. Мы тогда сказали Большакову, что считаем его предложение не приемлемым, но сами решения не принимаем и посоветуемся с Г.. После этого, проект уведомления мы забрали с собой и уехали. В этот же день Большаков позвонил и попросил прислать ему по факсу это уведомление. Я отправил ему факс через секретаря.

Мы приехали на завод и подробно все доложили Г. Доложили про предложение Большакова о безналичном переводе части долга и про наши опасения тоже доложили. Г. согласился с нами и сказал, что лучше не рисковать и надо привезти самого Б. в кассу завода, что бы он сам внес деньги наличными от физического лица.

Завод проведет это, как поступление от физического лица, а не от КВК. Г. объяснил мне, что Б., как учредитель КВК имеет полное право от себя погасить долг частично и тогда по бухгалтерии нигде не будет фигурировать его фирма, как Б. и хотел изначально сделать. Г. очень удивила информация о судимости Б. т.к. Г. еще до первой нашей встречи с Б. говорил мне, что в фирме КВК одним из учредителей является администрация города Курска. Я сказал Г., что мы проверим всю информацию и потом доложим ему.

В этот же день, мы позвонили Б.у и сообщили ему, что нас устраивают только наличные из-за отсутствия каких-либо гарантий с его стороны. Он не спорил с нами и сказал, что соберет наличные, но что бы это не прошло по бухгалтерии. Я ему ответил, что мы примем наличные от него, как от физического лица и по бухгалтерии его фирма проходить не будет.

После этого, как мне кажется, прошла неделя и Б. сам позвонил мне и сообщил, что он подготовил соглашение о прощении долга. Я пригласил его подъехать на завод, и он согласился. В этот же день, 22 мая 2009г., он приехал к зданию заводоуправления, позвонил мне и попросил спуститься, т.к. он сам не хотел подниматься к нам в офис.

Этот разговор был в присутствии М.. Я повесил трубку и вместе с М. вышел из кабинета, и мы пошли по коридору. Около лестницы мы с М. расстались, он пошел по своим делам, а я пошел вниз по лестнице к выходу на встречу с Б.. Я вышел из здания и увидел Б., который ждал меня, сидя на бордюре около фонтана и на коленях оформлял документы. Ранее в своих первых показаниях, я не точно выразился, сказав, что мы с М. вместе получали у Б. подписанное им соглашение. Мы просто вместе вышли из кабинета и вместе шли по коридору, но с Б. я общался один. Я просто не точно выразился на первом допросе.

Выйдя на улицу, я забрал у него, т.е. у Б. подписанное соглашение в двух экземплярах с проставленной гербовой печатью и сказал, что передам все это Г. Меня несколько удивила эта ситуация, что проект соглашения еще не был согласован с заводом, а Большаков уже поставил на нем свою подпись и печать КВК, но я не обсуждал с ним этого.

Полученное соглашение в двух экземплярах я передал М., который должен был согласовать его со всеми нашими специалистами и подписать у Г. Я в этот день уезжал в Москву и поэтому поручил провести все согласования М.

Я вернулся обратно в Курск, кажется, 26 мая и М. сообщил мне, что соглашение о прощении долга КВК на сумму 1 656 633 рублей согласовано с Ф., Д., Р. и утверждено Г.. Мы позвонили Б. в офис, но его не оказалось на месте, и нам сказали, что у него кто-то умер и он уехал на похороны. Я попросил, что бы он позвонил на КРТ когда появится. Больше мы Б.у не звонили и не беспокоили его.

28 мая был День пограничника – это наш с М. профессиональный праздник. Во время обеда в столовой нас все поздравляли с этим праздником. За обедом было все руководство ЗАО «КРТ», кроме Г., который занимался с иностранной делегацией. Около 14 часов дня время обеда вышло, и все стали расходиться. Мы из столовой выходили с М.и Щ. М. с Щ. шли впереди меня.

Мы все втроем вошли в наш кабинет. Я занялся просмотром текущих документов, а М. обсуждали с Щ. свои личные дела. В это время зазвонил городской телефон. Это оказался Б. Он сообщил, что готов встретиться с нами и передать деньги. Я пригласил его приехать на завод, но он вновь отказался. Тогда я сказал, что через 1 – 1,5 часа мы будем у него.

По содержанию моего разговора, М. догадался, что это Б.. Я положил трубку и подтвердил М., что сейчас мы поедem к Б.. После этого, я пошел к Д., а М. с Щ. остались в кабинете.

Я зашел к Д.и попросил его оформить доверенность на получение денег, на всякий случай, если Б. не захочет ехать с нами в кассу завода, т.к. в ходе одной из встреч Б. упоминал, что ему будет нужна доверенность от КРТ. Д. сказал, что оформит доверенность в течение 10-15 минут. Потом я уточнил у Д., вправе ли я, как физическое лицо, внести деньги от имени КВК, т.е. от имени Большакова в кассу? Д. уверенно сказал, что от физического лица деньги могут быть приняты в кассу завода и сказал, что в приходном ордере кассир должен будет указать, что это деньги от физического лица за КВК по основному договору. Кажется, так сказал Д., хотя я не пытался запомнить этого, т.к. приходник заполняет кассир, а не я.

После этого разговора, я вернулся в кабинет. В кабинете М. был один.

Я подумал, что зря попросил Д. оформить доверенность, т.к. Г. не сможет ее подписать из-за своей занятости с иностранцами. Беспокоить Г. было бы не удобно из-за такого вопроса. Я решил, что Б. не затребует у меня доверенность, т.к. мы повезем ему подписанное Г. соглашение о прощении долга, которое он сам подготовил. А если Б. скажет, что ему необходима доверенность, тогда либо привезем его на завод и дождемся пока Г. освободится, либо отложим сделку. Мы позвонили водителю и через несколько минут спустились к машине.

Заходить к Долженкову за доверенностью я не стал, т.к. это не имело смысла. К офису Б. мы с М. подъехали на служебной машине около трех часов по полудню. Выходя из машины, я попросил водителя дожидаться нас и не уезжать и сказал, что мы заберем деньги, а после этого снова на завод вернемся. Раньше я об этом моменте не рассказывал, т.к. не помнил этого и совершенно выпустил его из головы. Эти события я вспомнил только после того, как мне об этом напомнил сам водитель, которого опросил адвокат.

Мы вошли в офис к Б. и спросили его, какую сумму он подготовил. Он сказал, что подготовил один миллион рублей, как мы и договаривались и передал мне деньги. Я его спросил, считал ли он деньги, он сказал, что в банке считали, и я не стал пересчитывать. Мы отдали ему подписанное соглашение и

постановление пристава и заверили, что его деньги не пройдут по бухгалтерии завода, как платеж от КВК, что бы он не волновался и сказали, что по своей бухгалтерии он тоже может их не проводить. Эта идея с бухгалтерией – была его идеей, которую он высказал еще при самой первой встрече. Хотя, я точно не помню хронологию событий, и может быть разговора о бухгалтерии в день передачи денег вообще не было, может этот разговор был раньше.

Перед нами стояла конкретная задача: получить у Б. деньги и внести их в кассу. Г. сказал нам в свое время, что, если Б. в что-то крутит с бухгалтерией, то не надо с ним спорить, иначе он может отказаться от сделки. Надо принять его условия, а после того, как получим деньги, то завод сделает все по закону и пусть потом Б. разбирается со своими проблемами и бухгалтерией у себя.

Такова была наша стратегия. Я помню, что в ходе одной из встреч, М. так и сказал Б., что полученные от него деньги не пройдут по бухгалтерии завода. Потом, когда я спросил у М. зачем он так говорит, то М. пояснил мне, что он имел в виду, что деньги не пройдут, как полученные от КВК, т.е. от юридического лица и кроме этого М. считал, что надо соглашаться с Большаковым в этом вопросе. Так называемый, хитрый ход с нашей стороны, лишь бы Б. не отказался от сделки. Я согласился с Минаковым в такой позиции, тем более и Г. дал указание получить деньги, а потом завод не обязан докладывать Б. как они прошли по бухгалтерии.

Кроме того, мы просили его не распространяться особо в бизнес среде о том, что ему простили часть долга, т.к. это могло не очень позитивно отразиться на нашей работе с другими должниками завода. Я просил Б., что если кто-то будет интересоваться как разрешились его долги с заводом, что бы он ссылался на существование неких договорных отношений между заводом и КВК, согласно которым он исполняет какую-либо работу для завода и таким образом гасит долг.

Мы считали, что ничего незаконного с нашей стороны в этом нет. Гордеев и Долженков сказали нам, что деньги можно сдать в кассу от физического лица и тогда КВК по бухгалтерии не будет фигурировать и поэтому мы считали, что ни каких нарушений не допускаем.

Впоследствии, после того как руководство КРТ проводило консультации с независимыми специалистами, уже после возбуждения уголовного дела, стало известно, что мы ни при каких обстоятельствах не имели права получать наличные об Большакова, т.к. получение наличных – это кассовая операция, а проводить кассовые операции на предприятии имеет право только кассир.

К сожалению, это стало известно позже, а в тот момент, когда мы поехали за деньгами, мы этого не знали, т.к. Д. заверил нас, что мы можем получить наличные. За допущенное нарушение мне и М. объявлено замечание на заводе. На сколько я знаю, Д. тоже объявили замечание или выговор.

Выполняя поручение руководства завода по истребованию долга КВК, мы руководствовались только интересами нашего предприятия и намеревались внести полученные у Б. 1 000 000 рублей в кассу завода сразу после возвращения, однако сделать это не получилось, поскольку в офисе Б. мы с М. были задержаны сотрудниками правоохранительных органов, где провели более двух суток.

Сразу же при задержании, мы заявили, что приехали в офис Большакова, в связи с решением производственных вопросов и что деньги только что мы получили от Б. Мы ничего не скрывали и деньги выдали. Точную сумму мы не знали, т.к. при ее получении, я деньги не пересчитывал и так же мы заявили сотрудникам

милиции.. Данные денежные средства, которые мы получили от Б., не являются подкупом, поскольку предназначались не для личного использования, а в кассу завода. Данные денежные средства являлись частичным возмещением долга, который планировался к возмещению учредителем Б. за ООО «КВК», в связи с подписанием соглашения о прощении долга от 22.05.2009г. между заводом и компанией КВК. При этом, как я знаю со слов многих юристов, частичное возмещение является обязательным по закону, иначе такая сделка, когда долг прощается безвозмездно, признается дарением. Дарение между юридическими лицами запрещается по закону. Это Р. объясняла М. еще до нашего задержания, прежде чем она завизировала соглашение о прощении долга, она спрашивала у М. про частичное возмещение и М. пояснил ей, что стороны договорились о частичном погашении устно. Только после этих слов М., Р. завизировала соглашение.

Мы с М. именно так воспринимали ситуацию, что те деньги, которые Б. передает нам, являются частичным возмещением, необходимым при совершении сделки по прощению долга между двумя юридическими лицами.

В заключение хочу сказать, что ни какого преступления мы не совершали. Генеральный директор КРТ и многие другие представители заводского руководства знали о нашей работе по взиманию задолженности с Б. Как мне стало известно уже позднее, обо всей этой ситуации были поставлены в курс акционеры предприятия из Москвы господ М. и Б.

Гордеев рассказал мне, что после того, как мы с М. впервые сообщили ему о предложении Б. о прощении долга, то прежде чем принять это решение, он доложил всю ситуацию акционерам и только после их согласия, дал нам свое добро.

Кроме этого, хочу обратить внимание следствия, что версия Б., изложенная им в объяснительной от 28.05.2009г., с которой мы ознакомились в суде при обжаловании постановления о возбуждении дела, о том, что, якобы, мы настаивали на том, что он должен передать нам миллион рублей без оформления каких-либо документов, является ложью и вымыслом.

Мы передали Б. самый важный документ – это соглашение о прощении долга и в дополнение к этому передали постановление пристава о прекращении исполнительного производства. Каких-либо еще документов, Б. не требовал от нас. Ни расписки, ни доверенности, в момент передачи денег или в ходе предварительного разговора по телефону день перед нашим приездом за деньгами, он не просил.

Он имел возможность самостоятельно внести деньги в кассу завода и получить корешок приходного ордера, но не сделал этого, т.к., в действительности, не намеревался погасить долг, т.к. этот миллион рублей ему передали правоохранительные органы, как стало мне известно из объяснительной. А если бы нам не помешали внести этот миллион в кассу завода, то впоследствии корешок приходного ордера, мы бы передали Б., если бы он потребовал это. Но я еще раз повторяю, что ни каких подобных требований, Большаковым не высказывалось, а мы, в свою очередь, никак не ограничивали его в правах, что наверняка подтверждается материалами аудиозаписи нашего разговора, имеющейся у следствия...

Подозреваемый М. в ходе первого допроса, так же, отрицал свою причастность к совершению преступления и заявил, что действовал с согласия и по поручению руководства КРТ в исключительных интересах предприятия.

В ходе дополнительного допроса, подозреваемый уточнил ранее данные показания и пояснил:

...В конце марта текущего года состоялось заседание ревизионной комиссии ЗАО «КРТ» по вопросу проверки бухгалтерской отчетности и финансово-хозяйственной деятельности предприятия за 2008 год. На заседании комиссии присутствовали Т., Ф., Д., Я. и другие лица. Было принято решение и составлен акт о признании некоторых дебиторов безнадежными должниками. Позднее это решение было утверждено на Совете Директоров ЗАО «КРТ».

Одним из безнадежных должников была признана компания КВКс. Сумма долга – 1 656 633 рубля.

Согласно приложению № 1 к акту ревизионной комиссии, у предприятия имелось более десяти должников, размер задолженности которых превышал 50 000 рублей. КВКс являлся одним из крупнейших должников по объему неисполненных обязательств.

У КВКс был старый долг перед заводом. В 2006 году состоялось решение арбитражного суда по взиманию задолженности, но должник уклонялся от исполнения решения суда. Исполнительное производство по данному решению осуществлялось отделом УФССП по ЦАО г. Курска.

В 2007 году было получено извещение от судебных приставов, что местопребывание должника им не известно и данных о наличии имущества ни каких не имеется. Приставы вели себя достаточно пассивно в этом вопросе, и поэтому нам был передан материал по этому должнику для проверки его платежеспособности. Это нормальная практика, если должник отказывается платить, прячется или утаивает свое имущество, служба безопасности должна проводить проверку такого должника.

Мы начали проводить проверку по должнику по поручению ревизионной комиссии и лично Генерального директора ЗАО «КРТ». Копии некоторых документов по этому должнику, мы получили у Р.

В ходе проверки было установлено, что ООО «КВКс» арендует офис в многоквартирном доме на первом этаже по адресу пр. Победы 4. Мы с Т. прибыли по указанному адресу для проведения переговоров с руководством фирмы-должника.

Генеральным директором КВКс оказался господин Б., с которым ранее мы никогда не встречались. Мы спросили у Б.а намерен ли он отдавать долг ЗАО «КРТ»? Кроме этого, мы сообщили ему о своих намерениях, обратиться с заявлением в УФССП о наложении ареста на его счет в банке, если он не рассчитается по долгу.

Б. просил не накладывать арест и сказал, что готов рассчитаться по долгу частично и предложил нам ВАЗ 2106 и гараж, взамен на прощение ему оставшейся части долга. Мы отказались от этого предложения и сказали ему, что бы он сам реализовал свое имущество, если он согласен на это, а с заводом надо рассчитываться деньгами. Б. сказал, что от продажи машины и гаража сможет выручить не более 500 тысяч рублей.

Обсуждать с Б.предложение о прощении ему долга взамен на закрытие его части, мы были не готовы, но в любом случае, мы сочли, что закрывать весь долг всего за 30% от общей суммы долга, это не совсем рентабельно и мы сказали ему, что если он сможет найти еще 500 тысяч рублей, тогда мы доложим все это Г. и если Г. согласится, тогда мы примем его предложение. Б. сказал, что еще 500 тысяч он может взять в долг у знакомых, либо кредит в банке и попросил нас все обсудить с Г.. Мы предложили ему самому приехать на завод и переговорить с Г., но он отказался.

Он сказал, что один миллион рублей передаст нам наличными, а мы должны отозвать исполнительный лист у судебных приставов, вручить ему постановление о прекращении исполнительного производства и не проводить эти деньги по заводской бухгалтерии, потому что он рассчитывается с заводом, как физическое лицо. Большаков при первой встрече сказал, что на счете компании денег нет, и он не может заемные средства провести через счет своей фирмы, т.к. не хочет платить налоги и еще говорил, что у него много других долгов. Поэтому, для него является важным, что бы эти деньги не прошли по бухгалтерии КРТ.

Мы выслушали его и уехали на завод для доклада Г.. Доложили Г. суть предложения Б. и Г. сказал, что с бухгалтерией он проблем не видит, т.к. если Б. будет вносить деньги в кассу завода от себя, как от физического лица, то по бухгалтерии завода ООО «КВКс» нигде проходить не будет. По поводу прощения долга Б., Г. сказал, что ему необходимо обдумать это предложение. Несколько дней спустя, он согласился и сообщил нам это. Г. дал поручение Р. оформить отзыв исполнительного листа у приставов.

Мы, по поручению Г. консультировались с Ф. и Р. о том, возможно ли прощение долга в принципе. Нам сказали, что это возможно. При разговоре с Ф. присутствовала Я. Она тоже считала, что прощение долга вполне допустимо, если должник готов частично погасить задолженность. Все эти разговоры с Р., Я. и Ф. носили предварительный характер и имели место до 22 мая 2009г. Более точную дату, я не помню. Мы просто говорили с ними о существовании абстрактного должника, а КВКс не упоминали в разговоре.

Потом, получив постановление пристава о прекращении исполнительного производства, мы снова встретились с Б. у него в офисе. На этой встрече, Б. вдруг изменил свои условия и сказал, что кроме постановления пристава, ему необходимо подписать соглашение о прощении долга между КВКс и КРТ. Так ему посоветовали юристы.

Мы уехали и позже я нашел в интернете образец одностороннего уведомления о прощении долга. Каждое наше действие мы согласовывали с Г.. Я распечатал его и Т. консультировался с Р. по поводу этого уведомления. Р. сказала, что его надо доработать. После этого, я внес в уведомление реквизиты завода, сумму я не указывал и добавил в него ссылку на решение суда о взыскании и мы поехали снова к Б.

Б. такой документ не устроил и мы тогда договорились, что он сам составит соглашение и привезет его на завод. Уезжая, мы проект подготовленного мною уведомления о прощении долга забрали, но в этот же день позвонил Большаков и попросил прислать его факсом. Факс отправили через секретаря.

Кроме этого, во время переговоров, Б. неожиданно сказал, что платить наличными он не будет, а все же переведет деньги от имени КВКс по безналичному расчету, но только после того, как мы вручим ему подписанное соглашение о прощении долга и постановление пристава. Такое предложение мы расценили, как очевидный обман со стороны Б., т.к. завладев документами, освобождающими его от уплаты долга, мы считали, что он не заплатит потом заводу. Мы отклонили это предложение и пояснили почему нас это не устраивает. Большаков тогда сказал, что мы можем в соглашении прописать, что КВКс обязуется перевести миллион на завод, а КРТ прощает оставшийся долг.

По началу, нам это показалось нормальным предложением и мы сказали, что обдумаем все и доложим Г.. По дороге на завод, мы поняли, что это тоже обман со стороны Б., т.к. если в соглашении между КРТ и КВКс будет указано так, как предложил Б., что КВКс переводит миллион, а КРТ прощает 656 633 рубля, то

расчет между юридическими лицами во исполнение этого соглашения может проводиться только в безналичной форме или наличными не более 100 тысяч в день, а поскольку Большаков требует передать ему документы вперед, то возникает широкое пространство для маневра и обмана с его стороны.

Мы доложили Г. об изменении условий Б. и поделились своими опасениями о возможном обмане. Г. с нами согласился и сказал, что лучше всего доставить Б. в кассу завода, что бы он сам вносил наличные. Относительно того, что прощение долга должно оформляться каким-либо договором или соглашением, Г.е возражал и сказал нам обсудить это с юристами.

Примерно в эти дни, мы получили информацию о том, что Б. ранее проходил фигурантом по уголовному делу по мошенничеству, а его соучастница по фамилии Коржова была осуждена к лишению свободы. Это была не проверенная информация, но, тем не менее, мы доложили об этом Г. и решили, что необходимо с повышенным вниманием анализировать все поступающие от него предложения, что бы не быть обманутыми.

Мы сказали Б., что Г. отклонил все его предложения по безналичному расчету, т.к. он, т.е. Б., не может представить гарантий, что деньги будут переведены. Поэтому, мы настаиваем на наличном расчете в обмен на требуемые Большаковым документы.

Большаков не возражал и сказал, что готов произвести наличный расчет, но при обязательном соблюдении его условия о том, что эти деньги не пройдут по заводской бухгалтерии. Мы пояснили ему позицию Г. в этом вопросе, что если он заплатит в кассу завода, как физическое лицо, то его компания тогда не будет проходить по нашей бухгалтерии. Он согласился.

22 мая 2009 года Б. позвонил сам и сказал, что привезет нам соглашение о прощении долга, которое сделал его юрист. Он подъехал к зданию заводоуправления и передал это соглашение Т. в двух экземплярах. На соглашении стояла подпись Большакова и гербовая печать.

В этот день Т. уезжал в Москву и поэтому поручил мне провести согласование со всеми и подписать соглашение у Г.

В этот же день, я представил Г. соглашение. Я зашел к нему в кабинет. В кабинете сидел Щ. Г. прочитал соглашение и спросил меня, на каком варианте расчетов мы остановились. Я сказал Г., что Б. погасит часть долга наличными в размере одного миллиона рублей. Г. сказал мне, что он доволен нашей работой.

После этого, я зашел к Ф. в кабинет и показал ей текст соглашения. Она почитала и завизировала его на тыльной стороне. Я ей все подробно рассказал, что за КВКс частично погасит долг физическое лицо, т.е. сам Б. Она меня выслушала и сказала, что считает это вполне нормальной сделкой.

Потом соглашение завизировал главный бухгалтер Д. и я сам. Когда я показал текст данного соглашения Р., то она сразу обратила мое внимание на то, что сделка по прощению долга будет законной только в том случае, если она не происходит безвозмездно и должник должен оплатить хоть какую-то часть долга. Я ей сказал, что именно об этом стороны имеют устную договоренность, что определенную часть Большаков погасит, как физическое лицо, за свою компанию. После этого, у Ряполовой больше не было ко мне вопросов, и она завизировала соглашение. Последним подписал данное соглашение Генеральный директор Г.

26 мая вернулся Т. из Москвы и мы позвонили Б.. Его не оказалось на месте, и нам сказали, что он уехал на похороны. Мы попросили, что бы он связался с нами, когда вернется. Больше мы Б.не звонили ни в этот день, не в последующие два дня.

28 мая был наш с Т. профессиональный праздник – День пограничника. В честь этого события, во время обеда в столовой, нас все поздравляли. На обеде были почти все, за исключением Генерального директора, он был занят с иностранными партнерами.

Вышли из столовой около двух часов и пошли все по рабочим местам. Я выходил вместе с Щ. Т. шел позади нас. Мы все втроем зашли в наш кабинет, и через несколько минут зазвонил городской телефон. У нас параллельный телефон стоит в кабинете. Я первый снял трубку у себя на столе и по голосу узнал Б. Наверное, он не узнал меня и попросил Т. Я передал трубку Т.о содержанию разговора, я понял, что Б. приглашает нас к себе за деньгами. Т. предложил ему приехать на завод внести деньги в кассу, но Б. отказался.

Т. закончил разговор с Б. и сказал мне вызвать водителя и собираться, а сам вышел из кабинета. Я уже потом узнал, что он ходил в этот момент к Д. и оформил доверенность, но поскольку Генеральный был занят и не смог бы ее подписать, Т. не забрал эту доверенность у Д.

Я сообщил Щ., что сейчас мы поедем к должнику забирать деньги, а потом вернемся на завод. Я ему это рассказал, потому что он был в курсе этой ситуации, т.к. присутствовал при моем разговоре с Г. несколько дней тому назад в кабинете у Генерального, когда я приносил текст соглашения Г.. Щ. поздравил меня еще раз с праздником и ушел к себе.

Через несколько минут вернулся Т. и мы поехали к Большакову на служебной машине. Когда мы приехали, то Т. попросил А. (это наш водитель) дожидаться нас, т.к. мы заберем деньги и поедем обратно на завод. Амелин остался ждать нас в машине.

Мы вошли в кабинет Б.а, выразили ему соболезнование по поводу случившейся у него трагедии и похорон и потом спросили какая у него сумма. Он пояснил, что собрал миллион рублей, как и обещал. Сказал, что сам не считал деньги, т.к. получил их в банке, где все было посчитано. Т. забрал деньги и положил в папку. Мы отдали ему один экземпляр подписанного соглашения о прощении долга и постановление пристава о прекращении исполнительного производства. Мы заверили Б., что бы он не переживал, что этот вопрос с его долгом закрыт и больше он заводу ничего не должен.

Мне кажется, что при передаче денег 28 мая вообще не велось речи про бухгалтерию. До этого я говорил Б., что миллион не будет проведен по заводской бухгалтерии, как он и просил. Я не помню, как именно я это сформулировал, но суть была в том, что он передает нам деньги, как физическое лицо и поэтому по заводской бухгалтерии его фирма никак проходить не будет.

Я имел в виду, что мы внесем деньги в кассу завода, а дальше уже не наша задача. Гордеев говорил нам, что такой механизм возможен, когда деньги приходят от физического лица, и тогда КВКс не будет никак фигурировать в бухгалтерии. Более этого, Д. так же подтвердил нам, что деньги могут быть внесены в кассу физическим лицом, т.е. он говорил, что мы можем получить их у Большакова и без проблем внести в кассу завода. Мы считали в тот момент, что действуем в пределах наших полномочий и ничего не нарушаем.

Я точно помню и могу утверждать это следствию, что мы никогда не говорили Б., что этот миллион пройдет мимо кассы заводы или предназначается для личного использования нами или Г.. Такого никогда сказано не было. В этом я уверен.

Я сейчас помню, что в ходе одной из встреч, Б. начал что-то «юлить» и поднял вопрос о бухгалтерии и как ему проводить этот миллион по своей

бухгалтерии. Мы удивились этому, т.к. изначально он говорил, что это будут его личные денежные средства. А раз это деньги физического лица, то при чем тут бухгалтерия КВКс? Мы говорили ему не проводить эти деньги по бухгалтерии, потому что, обсудив этот вопрос с Г. мы для себя приняли решение, что проведем этот миллион рублей, как поступление в кассу завода от физического лица. Поэтому мы и сказали Б., что бы он не проводил это, как деньги своей компании во избежании противоречий, и я точно помню, что я говорил Большакову, что через бухгалтерию завода эти деньги вообще не пойдут.

Говоря это, я имел в виду, что деньги не пройдут, как принятые от КВКс, потому что деньги вносятся физическим лицом. Б. прекрасно понимал нас, и понимал о чем мы говорим, исходя из контекста всех наших встреч и переговоров. Однако сейчас я опасаясь, что Большаковым могли быть представлены в милицию лишь те аудиозаписи, где можно исказить смысл сказанного, т.к. предшествующие разговоры не представлены Б., который в объяснении заявлял, что они у него имеются.

Схему с сокрытием денег от бухгалтерии предложил сам Большаков еще при первой встрече. Г. сказал нам конкретно, что по бухгалтерии завода эти деньги пройдут, как поступление от физического лица. Скрыть вообще факт поступления денег было не возможно, и это было не в интересах предприятия. Г. тогда сказал нам, что мы можем принять любые условия Б., а поступим мы по-своему потом, т.е. проведем их как поступление от физического лица. Поэтому, мы в разговоре с Б. специально ему «подыгрывали» в этом вопросе, т.к. предприятие и нас интересовали только деньги, которые мы хотели у него получить и внести их в кассу, а что потом будет с его бухгалтерией, по большому счету, нас не интересовало.

Возможно, такое наше поведение является не совсем корректным по отношению к партнеру, но я подчеркиваю, что Б. несколько лет прятался от завода, скрывал свои активы и не рассчитывался по долгам. Поэтому, мы считали, что с таким ненадежным партнером как он, не большие хитрости вполне допустимы.

Он что-то явно хитрил постоянно с деньгами и бухгалтерскими проводками и явно хотел услышать от нас, что деньги по бухгалтерии не пройдут, как я это сейчас понимаю.

После получения денег, прямо в офисе Б. мы с Т. были задержаны сотрудниками милиции.

В завершении хочу высказать свое мнение о незаконности нашего уголовного преследования. Б. просто ввел в заблуждение правоохранительные органы, когда обратился с заявлением о том, что он якобы кого-то подкупает. Б. таким образом просто уклонился от погашения долга и, обманув всех, получил соглашение о прощении долга, не компенсировав часть задолженности.

Переданный нам Б. миллион рублей не являлся коммерческим подкупом, потому что эти деньги были бы внесены в кассу завода и по бухгалтерии прошли бы как деньги от физического лица, если бы нам не помешали милиционеры. Этот миллион является частичным погашением долга, без которого не могла состояться сделка по прощению долга между КВКс и КРТ, т.к. прощение долга должно быть возмездным. Мы всегда воспринимали это именно так...

По мнению защиты, показания подозреваемых Т.и М., являются последовательными, не содержат каких-либо существенных противоречий по обстоятельствам, имеющим юридическое значение, в целом дополняют друг

друга и подтверждаются показаниями свидетелей, допрошенных при производстве предварительного расследования.

Так, Генеральный директор ЗАО «КРТ» г-н Г, будучи допрошенным в качестве свидетеля, пояснил:

...У предприятия ЗАО «КРТ» имелся должник ООО «КВК». Сумма долга составила 1 656 000 рублей. По этому должнику было принято решение ревизионной комиссией завода в марте 2009 года, утвержденное на Совете Директоров, о признании его безнадежным должником, в виду отсутствия средств и имущества для погашения долга, согласно данным, которые предоставила служба судебных приставов по акту № ...от 12.07.2007г.

Службе безопасности было поручено проверить эти сведения. В результате проверки установлено, что руководитель ООО «КВК» высказал готовность частично погасить задолженность, взамен на прощение всей суммы долга. Это была именно инициатива Б.

На счете компании денег не было и поэтому Б., как мне докладывали Т. с М., собирался часть долга погасить наличными. В качестве гарантий он требовал предоставить ему соглашение о прощении всей суммы между ЗАО «КРТ» и ООО «КВК» плюс отозвать исполнительный лист о взыскании. Текст готового соглашения мне представил Минаков. Разрабатывал проект соглашения сам Большаков. Соглашение было согласовано с юридическим отделом завода, службой безопасности и с финансовым директором. Я его утверждал последним.

По всем этим вопросам, связанным с прощением долга ООО «КВК», при условии его частичного погашения наличными от физического лица, я докладывал ситуацию основным акционерам Б. и М.. Они дали добро на это, т.к. лучше получить хоть часть денег, чем вообще ничего.

Обо всех мероприятиях, которые проводились службой безопасности ЗАО «КРТ» по взиманию части долга, я был поставлен в известность. Т. и М. исполняли свою работу.

Хочу особо подчеркнуть, что перед Т. и М. была поставлена определенная задача по проведению работ по частичному взысканию долга с ООО «КВК». Они имели все полномочия на это. Докладывать обстановку они были обязаны по мере исполнения поручения, т.е. не было никакой необходимости информировать меня о каждом проделанном или планируемом шаге.

28 мая 2009 года я проводил переговоры с иностранной делегацией и поэтому служба безопасности не доложила мне о том, что им позвонил Б. и сообщил о своей готовности вернуть деньги.

Мой ответ следователю в ходе предыдущего допроса о том, что мне ничего не было известно о планах службы безопасности на 28.05.2009г., не означает, что я был вообще не в курсе этой ситуации. Я дал лаконичный и конкретный ответ на вполне конкретный вопрос, исходя из того, как вопрос был сформулирован и не более этого.

Заранее эта встреча не планировалась, т.к. Б. позвонил именно в тот день, и поэтому Т. с М. поехали на встречу, не уведомив меня о своих планах, поскольку я был занят другими вопросами. Это нормальная практика и я в этом не вижу ничего плохого.

Я официально заявляю, что действия Т. и М. по взиманию части задолженности в сумме 1 000 000 рублей от Большакова за ООО «КВК» проводились с моего согласия, с согласия акционеров и на основании

внутренних документов Общества, регламентирующих компетенцию службы безопасности в этом вопросе. Эти действия осуществлялись в исключительных интересах ЗАО «КРТ».

Более этого, Т. обсуждал со мной вариант внесения денег в кассу завода наличными, т.е. они получают у Б. деньги и сами вносят их в кассу. Я сказал Токареву, что лучше, что бы должник сам вносил деньги в кассу, а если он откажется, тогда необходимо консультироваться с финансистами и главным бухгалтером как они смогут провести эти деньги.

На сколько мне известно, главный бухгалтер ЗАО «КРТ» Д. заверил Т., что внесение наличных физическим лицом возможно и не противоречит закону. На сегодняшний день, после проведения консультаций с независимыми специалистами, мы знаем, что подобное действие нарушает указание ЦБ РФ, но когда Токарев с Минаковым поехали за деньгами, они этого не знали, т.к. главный бухгалтер сообщил им обратное. Он ошибался.

Д., помимо прочего, не знал, что на момент, когда Токарев с Минаковым собирались вносить наличные в кассу, мною уже было подписано соглашение о прощении долга и поэтому дал им неверный совет, что деньги можно внести наличными по основаниям погашения долга по основному договору. Все это чисто рабочие моменты и я удивлен, что из-за допущенных административных проступков возбуждено уголовное дело.

В заключении хочу добавить, что я готов признать, что данное соглашение о прощении долга между ООО «КВК» и ЗАО «КРТ» от 22.05.2009г. не в полном объеме отражало намерения сторон, а точнее не отражало некоторых дополнительных договоренностей, которые имели значение. Возможно, что в этом была наша ошибка.

Автором соглашения был сам Б. Как докладывали мне Т. с М., Б. в процессе переговоров несколько раз менял условия.

Изначально он говорил о погашении наличными части долга, но потом изменил свои требования и сообщил, что желает получить на руки подписанное соглашение о прощении долга, постановление пристава о прекращении исполнительного производства, в связи с отзывом нами исполнительного листа и только после этого он переведет деньги по безналичному расчету.

Такое условие являлось явно не приемлемым для нас, поскольку не в интересах кредитора добровольно утратить право требования возмещения задолженности, не имея ни каких гарантий на ее погашение. А Б. предлагал именно такой вариант, когда мы отдадим ему все документы, а потом можем вообще без денег остаться. Служба безопасности вполне обоснованно отклонила это предложение, и я был поставлен в известность об этом. Это решение они приняли самостоятельно, но я вполне разделяю такую позицию.

Поскольку ранее у нас не было подобного опыта по процедуре прощения долга, то я допускаю, что мы подписали не совсем юридически корректный документ. Я возлагаю за это вину на наших юристов, а не на службу безопасности. Хотя, по вопросу корректности данного соглашения в части отсутствия в нем упоминания о том, что часть долга будет погашена наличными самим Б. за ООО «КВК», наш юридический отдел считает, что наличие дополнительных устных договоренностей при проведении сделки по письменному договору, допускается с согласия обеих сторон и не противоречит нормам ГК РФ...

Свидетель М, являющийся основным акционером ЗАО «КРТ» и Председателем Совета Директоров подтвердил показания подозреваемых М. и Т. в части наличия осведомленности высшего руководства о планах и мероприятиях службы безопасности по взиманию задолженности:

...В апреле 2009г., более точную дату не помню, мне на мобильный телефон позвонил Г. В перечне вопросов, которые мы обсуждали, был вопрос о должнике предприятия – компании КВК. О существовании этого должника я и раньше знал. Г.сообщил, что должник обратился с инициативой по частичному погашению задолженности взамен на прощение суммы основного долга.

Ранее по поводу этого должника выносилось решение ревизионной комиссией, утвержденное на Совете Директоров, о признании ООО «КВК» неперспективным дебитором. **Службе безопасности было дано указание по отработке данного должника. Было необходимо проверить информацию о материальном положении компании, наличии или отсутствия имущества и.т.д.**

Общая сумма долга ООО «КВК» была около 1 650 000 рублей.

Во время нашего телефонного разговора с Г., речь шла о погашении должником суммы от 500 тыс. до 1 млн. рублей. Кажется, именно такие цифры назывались. Должник не мог точно определиться с цифрой.

Раньше на заводе не было такой практики по прощению долгов, а поскольку сейчас такая целесообразность появилась, поскольку лучше получить хоть какие-то денежные средства, чем вообще не получить ничего, то Гордеев решил обсудить это со мной и со вторым акционером – Б.

Я сказал Г., что я не возражаю против прощения долга, если хотя бы какую-то часть должник готов компенсировать и пообещал Г. обсудить это с Б..

Гордеев пояснил мне, что возврат части долга за компанию «КВК» произведет ее директор, как физическое лицо, т.к. денег на счете предприятия нет. У «КВК» масса разных долгов и провести деньги через счет своей фирмы директор «КВК» не сможет, а погашение части долга заводу может быть осуществлено только наличными в кассу завода от физического лица. Поэтому, в соглашении о прощении долга будет указана вся сумма задолженности в 1 650 000 рублей, хотя, в действительности, миллион рублей должник вернет наличными. **Г. уточнил, что возврат части суммы долга стал возможен благодаря эффективной работе службы безопасности завода,** руководителям которой удалось добиться от должника хотя бы частичного исполнения обязательств, путем проведения неоднократных встреч и переговоров с должником.

Я еще раз дал Г. свое согласие на прощение долга, но порекомендовал ему посоветоваться с юристом на заводе по поводу законного и правильного оформления соглашения о прощении долга. Кроме того, я обратил внимание Г., что издать приказ о списании долга можно только после того, как деньги реально поступят на завод.

Через какое-то время, кажется вечером этого же дня, но точно не помню, я встретился в Москве и Б. спросил его мнение по этому вопросу. Он сказал мне, что Г. уже звонил ему и все подробно докладывал. Б.сообщил Г. и подтвердил мне, что он не против прощения задолженности компании «КВК» взамен на частичное погашение долга наличными директором этой компании.

После разговора с Г., я поручил своему юристу Ш., который так же является членом Совета Директоров ЗАО, проработать вопрос с законностью процедуры по прощению долга и доложить мне.

Ш. высказал мне свое мнение, что подписание соглашения о прощении долга именно по такой схеме, которую озвучил Г., когда прощается вся сумма, а должник часть компенсирует наличными, является не совсем корректным. Ш.предложил оформить эту процедуру иным способом, когда все будет

прописано на бумаге и без всяких устных договоренностей. Подробности предложения Ш. я не совсем понял, т.к. я не юрист, но после разговора со Ш. я специально позвонил Г. еще раз обратил его внимание на необходимость проведения консультаций с юридическим отделом завода. Г. сказал, что прежде, чем он подпишет это соглашение о прощении долга, над его текстом поработают юристы предприятия. Я согласился с этим.

Со слов Г. мне так же было известно, что проект соглашения о прощении долга готовил сам должник, т.к. наш вариант, который был подготовлен в форме уведомления о прощении долга, его не устроил по каким-то причинам.

Через какое-то время, Г. доложил мне, что должник внезапно изменил свои условия. Если раньше он категорически отказывался вернуть часть долга по безналу, мотивируя это невозможностью зачисления денег на счет своей компании и настаивал на наличном расчете и только после того, как будет подписано соглашение о прощении долга и отозван исполнительный лист, то теперь неожиданно для всех он выставил требование о том, что мы должны вручить ему подписанное соглашение о прощении долга, отозвать исполнительный лист и только после этого он переведет безналом на завод миллион рублей.

Наша служба безопасности ЗАО «КРТ» располагала информацией о сомнительной репутации должника, который ранее проходил по уголовному делу о мошенничестве в сфере ЖКХ и поэтому Г. считал, что от этой схемы надо отказаться. Так ему докладывала служба безопасности, т.к. мы можем стать жертвой мошенничества со стороны должника, который получит на руки документы, освобождающие его от обязательств и после этого завод не получит своих денег. Гордеев считал, что надо настаивать на прежних договоренностях и получать с него наличные. Я согласился с Г., поскольку сомнительная репутация должника и его уголовное прошлое не позволяли работать на доверии.

Через несколько недель я узнал от Г., что сотрудники службы безопасности поехали в офис к должнику получать денежные средства наличными, а при их получении были задержаны сотрудниками милиции, в связи с тем, что по этим обстоятельствам возбудили уголовное дело и вменяли в вину Токареву и Минакову то, что, якобы, они хотели присвоить себе этот миллион рублей в качестве взятки за прощение оставшейся суммы долга либо как-то еще распорядиться этими деньгами в личных интересах.

Я к такому обвинению отношусь крайне негативно. Убежден, что ни о каких злоупотреблениях со стороны Т. и М. речи быть не может. Это честные и порядочные люди, которые проверены временем.

Обо всех планах службы безопасности по взиманию задолженности, Г. был информирован и докладывал мне лично. Эти вопросы обсуждались с финансовым директором, с главным бухгалтером и начальником юридического отдела завода, т.е. многие люди были в курсе этих событий и по этой причине, версия следствия о каких-то корыстных мотивах Т. и М., является глубоким заблуждением или намеренной провокацией.

Я убежден, что у М. и Т. даже не было возможности похитить эти деньги, т.к. все были в курсе этих событий.

То обстоятельство, что в день получения денег у должника, т.е. 28.05.2009г., перед поездкой в офис должника, они не уведомили Г. об этом, само по себе, ничего не значит и не свидетельствует о планах по сокрытию полученных денег, т.к. Г. был изначально в курсе этих событий, а 28 мая был занят с иностранной делегацией из Германии и

поэтому Т. с М., имея поручение по проработке этого направления, просто не захотели отвлекать Г. и поэтому поехали на встречу с должником, не уведомив генерального. Более этого, должник сам позвонил именно 28 мая. Заранее эта встреча не планировалась на этот день и поэтому Т. с М. не имели возможности дополнительно проинформировать Гордеева, хотя этого и не требовалось, т.к. они исполняли свою работу.

Дополнительно хочу отметить, что со слов адвокатов мне известно, что следствие проводит фоновую экспертизу записи разговора между Т. и М. с Большаковым с целью уличить службу безопасности в том, что на основе их слов, сказанных Б., прослеживается вывод о том, что они не намеревались сдавать деньги в кассу предприятия или что-то в этом роде.

Однако, мне, как Председателю Совета Директоров доподлинно известно, что у М. и Т. таких планов не было и не могло быть, а все ими сказанное в ходе бесед с Б. необходимо расценивать, как тактические шаги, направленные на получение денег с должника по поручению руководства.

Общеизвестен тот факт, что в процессе переговоров с должниками, кредитор за частую вынужден прибегать к различным тактическим маневрам с целью возврата своих активов. По моему убеждению, любые слова и действия в данной ситуации являются допустимыми в рамках правил делового оборота, за исключением угроз, насилия и.т.п. Поэтому, что бы при этих встречах не говорилось, **мне совершенно очевидно, что Т. и М. действовали в интересах предприятия и если бы им не помешали сотрудники милиции, то полученные деньги в сумме миллион рублей поступили бы в кассу завода.**

Я, как акционер, заявляю, что если бы у меня были, хоть малейшие подозрения в отношении Т. и М. или иных управленцев на заводе в том, что воруются деньги предприятия, я бы мгновенно поставил вопрос об увольнении этих людей, поскольку это в первую очередь в моих интересах – не допустить расхищения имущества завода.

В данном же случае, ситуация выглядит совершенно иначе и я убежден в невиновности Т. и М. и поэтому прошу следствие проявить максимум объективности и здравого смысла, поскольку нельзя основывать выводы следствия на имеющейся аудиозаписи разговора, т.к. какими бы словами Т. с М. не убеждали должника, все эти слова произносились во имя достижения разумной, законной и справедливой цели по возврату заводу его активов...

Показаниями свидетеля Д. так же подтверждается версия стороны защиты об отсутствии в действиях представителей КРТ какого-либо противоправного умысла, направленного на присвоение денежных средств. Будучи опрошенным, в порядке ст. 86 УПК РФ, свидетель Дремов впоследствии подтвердил ранее данные им адвокату объяснения и заявил:

...За время их работы, мы неоднократно сотрудничали по вопросам, связанным с пресечением хищений на заводе.... Нами проводились совместные операции по пресечению и предотвращению совершения преступлений. По одной из таких совместных операций, было возбуждено уголовное дело и вынесен обвинительный приговор суда.

Т. и М. часто советовались со мной по различным вопросам своей профессиональной деятельности.

Как-то во время одной из наших встреч, кажется это было в апреле 2009 года, Т. с М. сообщили мне, что у завода есть должник ООО КВК с которым они

проводят переговоры, по поручению Генерального директора завода и по решению ревизионной комиссии, на предмет взыскания с компании долга.

Их интересовала моя консультация по проблеме возврата задолженности Б., был генеральным директором ООО «КВК» и он обещал Т. и М. частично погасить задолженность своей фирмы взамен на прощение всей суммы долга. Какие фигурировали цифры, я сейчас не помню. Т. с М. озвучивали мне сумму долга и сумму, которую Б. готов вернуть, но я их не запомнил.

Суть вопроса была в том, что при первой встрече с Т. и М., Б. говорил, что готов погасить долг частично путем внесения наличных в кассу завода, с условием предоставления ему подписанного соглашения между ЗАО «КРТ» и ООО «КВК» о прощении кредиторской задолженности в полном объеме и отзывом ЗАО «КРТ» исполнительного листа из УФССП о взыскании с него задолженности, а потом он изменил свои условия и заявил обратное, что Т. и М. должны решить вопрос с Генеральным директором ЗАО «КРТ» о подписании соглашения о прощении долга, отозвать исполнительный лист и только после этого, он переведет на завод часть денег, т.е. речь была уже о безналичном способе погашения задолженности.

Т. с М. опасались, что могут стать обманутыми, т.к. передадут все документы Б. на руки, а он после этого начнет уклоняться от возврата денег.

Т. и М. рассказали мне, что ранее Большаков проходил в качестве фигуранта по уголовному делу о мошенничестве в области жилищно-коммунального сектора и хотя ему удалось избежать осуждения, т.к. виновным была признана его партнер, но сам Большаков является чрезвычайно хитрым человеком и от него можно ожидать любых неприятностей.

Поэтому, во избежание обмана, мы пришли к выводу, что предпочтительнее получить наличные с Б. и внести их в кассу завода, либо предложить ему самому внести в кассу ЗАО «КРТ» наличные, а после этого отдать ему подписанное соглашение о прощении долга.

После этого, служба безопасности завода несколько раз еще встречалась с Б. и, как мне известно с их слов, договорились о всей процедуре. Т. с М. были очень довольны тем, что им удалось склонить безнадёжного должника к возврату, хотя бы части суммы. Они говорили, что это первый случай в их практике, когда по результатам проведенной работы, получилось погасить хотя бы часть долга заводу. Особенно М. был очень горд таким своим достижением.

Во всей этой схеме меня настораживала личность Б. и то, что он часто менял условия и поэтому я посоветовал М., что бы они с Т. не получали сами наличные деньги из рук Б., во избежание недоразумений, а привезли бы должника на завод, что бы он сам внес деньги в кассу. М. «отмахнулся» от моего предостережения и сказал, что он обязан довести все до конца, т.к. Генеральный уже подписал соглашение и если Б. не захочет ехать на завод, то они с Т. тогда заберут у него деньги и внесут в кассу. М. сказал, что он консультировался с главным бухгалтером завода и тот сказал ему, что так можно сделать.

После моего возвращения из отпуска, я узнал, что в момент получения денег от Большакова сотрудники службы безопасности были задержаны и возбуждено уголовное дело по заявлению Б. по признакам коммерческого подкупа, мол, якобы, денежные средства в сумме один миллион рублей были переданы им в качестве «взятки» за решение вопроса о прощении всей суммы долга.

Я не верю в такую фабулу обвинения, поскольку всю эту историю изначально знал со слов Т. и М.. Б., в свою очередь, был заинтересован в провокации коммерческого подкупа, поскольку таким образом

освобожден от обязательств по полному либо частичному погашению долга, не заплатив ни копейки.

*Считаю, что в данном случае, речь как раз идет о провокационных действиях со стороны Б., у которого был соответствующий мотив, а у Т. и М. **такого мотива не прослеживается по той причине, что из-за всеобщей осведомленности они бы не смогли, даже если бы захотели, присвоить эти деньги себе**, а вопрос, связанный с лоббированием интересов Б. в части подписания соглашения о прощении основного долга, т.е. совершение действий в интересах дающего (как указано в постановлении о возбуждении уголовного дела) не находился в компетенции подозреваемых, поскольку данное соглашение визировалось многими представителями разных служб завода и утверждалось генеральным директором...*

Свидетели Д., Ф. и Я. подтвердили показания подозреваемых в части осведомленности руководства ЗАО «КРТ» о мероприятиях, проводимых службой безопасности в отношении ООО «КВК». При этом, Ф. в ходе дополнительного допроса уточнила:

...22 мая 2009г. ко мне подошел М. для согласования проекта соглашения о прощении долга нашим предприятием ООО «КВКс». М. говорил, что погасить долг частично будет физическое лицо за ООО «КВКс» Сумму я точно не помню. Возможно, она и называлась, но сейчас не помню. Вообще, у меня сохранилось в памяти, что речь шла о меньшей сумме, а не о миллионе рублей. До 22 мая, был предварительный разговор о каком-то должнике и о возможности прощения долга. Тогда наименование компании должника мне не сообщили...

...Так же, со слов сотрудников службы безопасности я знаю, что частичное погашение долга физическим лицом за ООО «КВКс» должно было осуществляться наличными денежными средствами путем внесения наличных в кассу завода.

Хочу отметить, что вся эта ситуация, связанная с подписанием соглашения, получением частичного возмещения наличными и т.д. мне была известна не только со слов М.. Т. так же подходил ко мне и обсуждал со мной это. До 22 мая, как я уже говорила, разговоры носили абстрактный характер, а потом, кажется это было 26 или 27 мая, Т. спрашивал меня возможно ли будет провести наличные. Я отправила его к Д. с этим вопросом...

Свидетель Д. подтвердил показания подозреваемого Т. в части всеобщей осведомленности и показал, что именно 28.05.2009г. Т. обратился с просьбой к нему об оформлении доверенности на получение денежных средств, однако впоследствии он (т.е. Долженков) удалил данную доверенность, поскольку Т. не явился за ней, в виду невозможности ее подписания Г., который был занят с иностранной делегацией. Кроме того, Д. пояснил, что 28-го мая 2009г. после обеда к нему подошел Т. с вопросом о том, возможно ли внесение наличных в сумму 1 000 000 рублей в кассу предприятия в качестве частичного погашения долга физическим лицом за ООО «КВК»

Он, т.е. Д. сказал, что так можно сделать и даже пояснил как надо заполнить приходный ордер. Более того, исходя из правил части 2 ст. 313 во взаимосвязи со ст. 861 ГК РФ, Долженков считал и сообщил это Т., что завод имеет право принять исполнение обязательства лично от Б., как от физического лица, т.к. он выразил подобную волю, являясь учредителем ООО «КВК» а инструкцией ЦБ РФ № .. от 04.10.1993г., внесение наличных в кассу завода физическим лицом в сумме один миллион рублей не запрещается.

В ходе производства обыска в помещении бухгалтерии КРТ, Д.обровольно выдал всю бухгалтерскую документацию, имеющую отношение к механизму возникновения задолженности ООО «КВК» и в ходе дополнительного допроса уточнил:

...01.11.2004 года между ООО «КВК» и ООО «СМУ КРТ» был заключен договор субподряда на проведение определенных работ. По условиям договора, СМУ КРТ производит работы, а КВК обязуется принять и оплатить проведенные работы. Работы были выполнены в объеме, установленном договором, о чем имеется соответствующий акт. Соглашением от 01.09.2005г. договор субподряда был расторгнут и стороны согласовали условия проведения сверки взаиморасчетов и сроки оплаты – не позднее 10 дней со дня подписания соглашения.

31.08.2005г. стороны подписали акт сверки, по которому ООО «КВК» имеет задолженность перед ООО «СМУ КРТ» в сумме 2 456 633 рубля. Однако, ООО «КВК» уклонилось от погашения задолженности, сославшись на отсутствие денежных средств.

В связи с этим, СМУ КРТ обратилось с иском к ООО «КВК» о взыскании задолженности в Арбитражный суд Курской области. Решением Арбитражного суда Курской области от .. мая 2006г. № ..., иск СМУ КРТ удовлетворен в полном объеме и компании КВК предписано погасить имеющуюся задолженность.

На основании данного решения суда, вступившего в законную силу, ОСП по ЦО г. Курска было возбуждено исполнительное производство № ... от ....2006г. и выдан исполнительный лист № ... В дальнейшем, между ООО «СМУ КРТ» и ЗАО «КРТ» был заключен договор цессии от 26.01.2007г., согласно которому ЗАО «КРТ» приобрело право требования долга с ООО «КВК» в сумме 1 656 633 рубля. Как я предполагаю, определенная часть долга была погашена ООО «КВК» и поэтому СМУ КРТ переуступило нам, т.е. ЗАО КРТ право требования меньшей суммы, чем ранее СМУ КРТ было взыскано с ООО КВК в судебном порядке. Документов о погашении ООО КВК части долга перед СМУ, я никогда не видел.

Таким образом, была сформирована задолженность ООО «КВК» перед ЗАО «КРТ» в сумме 1 656 633 рубля, которая по сегодняшний день не погашена.

Обращаю Ваше особое внимание на механизм происхождения данной задолженности, который описан мною выше предельно подробно, когда право требования первоначального долга КВК перед СМУ КРТ в порядке перемены лиц в обязательстве по правилам главы 24 ГК РФ было переуступлено ЗАО КРТ на основании договора цессии.

При этом мотивы, которыми руководствовалось СМУ при уступке права требования долга именно ЗАО «КРТ», не имеют значения. Для проведения замены лиц в обязательстве не требуется наличия каких-либо долговых отношений между новым и старым кредитором. По закону требуется лишь уведомить должника о замене кредитора, что было сделано. Сделка по уступке требования может совершаться безвозмездно между двумя кредиторами и в этом заключается ее отличие от сделки факторинга, когда происходит финансирование под уступку денежного требования. При этом наступил ли срок исполнения денежного обязательства должником или еще не наступил, является важным только для факторинговых сделок, а между СМУ и КРТ был заключен договор цессии, а не договор факторинга.

Следовательно, любые внутренние взаиморасчеты между СМУ и ЗАО КРТ (по договору займа от 31.07.2006г. и по соглашению об отступном от 26.01.2007г.) следует рассматривать как самостоятельные правоотношения между двумя Обществами, которые не влияют на право ЗАО «КРТ» требовать долг с КВК и не имеют ни какого отношения к заключенному договору цессии на уступку требования долга с КВК и не являются составляющей механизма по происхождению задолженности КВК перед ЗАО «КРТ», а поэтому не имеют значения для расследования данного уголовного дела...Задолженность КВК перед ЗАО «КРТ» в сумме 1 656 633 рубля отражена во всех необходимых документах по ведению бухгалтерского учета на предприятии. (в том числе в расшифровках дебиторской задолженности) При изучении всей совокупности бухгалтерских документов, изъятых следствием, Вы убедитесь в ее существовании, поскольку бухгалтерский учет на предприятии ведется в строгом соответствии с действующими нормами. Помимо этого, как я уже говорил выше, данная задолженность признана решением суда, вступившим в законную силу...

Член Совета Директоров ЗАО «КРТ» свидетель Ш. показал:

...В апреле или в мае текущего года, более точную дату не помню, меня вызвал М. и сообщил, что ему звонил Г.и они обсуждали вопрос, связанный с подписанием соглашения о прощении долга заводскому должнику компании КВК. Это аббревиатура, а название у них длинное и я его не запомнил.

Сумма долга была более полутора миллионов рублей. Директор КВК предложил погасить частично долг наличными, а соглашение о прощении долга подписать на всю сумму. Частично подлежало погашению от 500 тысяч до миллиона рублей. Точная цифра не была известна, т.к. по этому вопросу служба безопасности завода продолжала переговоры с директором КВК.

Вообще, служба безопасности завода работала по этому направлению на основании акта ревизионной комиссии, дату не помню, о признании ООО «КВК» безнадежным должником. Этот акт был утвержден Советом Директоров. А поскольку у нас были сомнения в безнадежности этого должника, исходя из информации предоставленной приставом об отсутствии имущества, службе безопасности было поручено провести проверку этих сведений.

О том, что служба безопасности проводит проверку по должнику и осуществляет действия по истребованию части долга, знало все руководство КРТ: Г., Ф., Д., П., Р. и может еще кто-то. ОБ этом же знали М., Б. и возможно другие акционеры.

Когда меня вызвал М. и рассказал все это, то суть его вопроса была в законности соглашения о прощении долга, когда в тексте соглашения будет указано, что прощается весь долг, а на самом деле часть долга возмещается физическим лицом за КВК.

Я высказал М. свое мнение о том, что это не совсем корректный документ. Такое соглашение может быть признано недействительным, поскольку безвозмездная сделка по прощению долга расценивается судебной практикой, как дарение, которое запрещается между юридическими лицами. Я предложил оформить это соглашение, указав в нем, что часть денег возмещается, а часть прощается. В альтернативном варианте, эту сделку можно было бы оформить соглашением о новации или как-то еще.

В целом, я М. сказал, что, поскольку между сторонами имеются устные договоренности о частичном возмещении и если эти договоренности не будут впоследствии отрицаться, то такое соглашение, как они хотят подписать, не

противоречит ГК РФ, т.к. по правилам ст. 159 ГК РФ сделки во исполнение договора, заключенного в письменной форме, могут по соглашению сторон совершаться устно, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору.

Но на практике же, бывают разные инсинуации и поэтому я сказал, что, на мой взгляд, лучше все это оформить иначе, хотя, в редакции предложенной должником, такое соглашение нельзя признать незаконным по указанным выше основаниям, но мне это все не очень понравилось и поэтому я высказал М. свои сомнения. Он все это выслушал и сразу же при мне позвонил Г. и сказал ему, что бы он лишний раз проконсультировался с юристами на заводе, прежде чем подпишет соглашение о прощении долга.

Я лично с Г. или с Р. по этому вопросу не связывался, т.к. мне М. таких указаний не давал.

После того, как уже было возбуждено уголовное дело, Г. приезжал в Москву по своим делам и я виделся с ним у нас в офисе. Я спросил Гордеева при встрече, почему не захотели сделать соглашение, как я говорил, и прописать в нем все, что часть денег возмещается и т.п.

Г. пояснил, что должник выставлял неприемлемые условия. Он требовал передать ему соглашение о прощении всей суммы долга и постановление о прекращении исполнительного производства до того, как он переведет деньги безналом. Нас такой вариант, конечно же, не устраивал, т.к. должник просто обманет нас, и завод останется вообще без денег. У директора КВК плохая репутация, он мошенник и раньше проходил по уголовному делу. Г. узнал это от службы безопасности и поэтому считал, что вполне вероятно попытка обмана со стороны должника. Я разделяю его позицию полностью.

Юридическая тонкость подписания соглашения в такой редакции, когда КВК переводит на КРТ миллион рублей, а взамен КРТ прощает не всю, а лишь оставшуюся часть долга, предполагала безналичный расчет между предприятиями, т.к. наличными можно не более 100 000 рублей в день, а на безнал мы были не согласны из-за того, что должник требовал соглашение отдать ему вперед.

Я считаю, что решение Г. настаивать на наличном расчете вполне обоснованно, разумно и не противоречит закону, поскольку физическое лицо, являющееся учредителем КВК, имело полное право погасить долг за свою компанию частично. Об этом свидетельствуют правила статей 56, 313 и 399 ГК РФ. Перемена лица в обязательстве вполне допустимое явление в гражданских делах.

Мнение органа расследования о том, что полученный миллион рублей сотрудники службы безопасности планировали «пронести мимо кассы заводы», является неуместным предположением, поскольку никто не позволил бы им это сделать. Все были в курсе этой ситуации и при условии всеобщей осведомленности, похитить эти деньги подозреваемые просто не смогли бы, даже если бы очень захотели.

Более этого, подобная версия следствия могла бы иметь право на существование, если бы подозреваемые не были задержаны сразу при получении денег, поскольку таким поспешным задержанием сотрудники УБЭП даже не дали возможности доехать нашим людям до завода и внести деньги в кассу, а теперь еще следствие утверждает, что, якобы, они и не намеревались сдавать деньги в кассу...

Я, как член Совета Директоров одного из крупнейших предприятий Курской области, выражаю надежду, что следствие окажется способным внять к

нашим доводы и незаконное уголовное преследование сотрудников службы безопасности будет прекращено, и завод сможет и дальше полноценно работать на благо региона, вместо того, что бы тратить деньги на адвокатов и время руководства на анализ искусственно созданной проблемы. И последнее, что бы мне, как юристу-цивилисту, хотелось бы донести до следствия.

Сделка по прощению долга не может носить безвозмездный характер. Такова позиция Высшего Арбитражного Суда РФ. Если совершается сделка по прощению долга, то часть задолженности должна быть возмещена и поэтому не надо тут усматривать коммерческого подкупа, поскольку имели место правоотношения, регулируемые нормами ГК РФ и рассматривать эти правоотношения в плоскости уголовного права, не имеется ни каких оснований. Прилагаю для приобщения к материалам уголовного дела копию Информационного письма Президиума ВАС РФ № 104 от 25.12.2005г. на которое я сейчас ссылаюсь, утверждая, что прощение не должно быть безвозмездным.

Свидетель А. будучи допрошенным, пояснил, что работает водителем и прикреплен к службе безопасности предприятия. 28.05.2009г., исполняя свои служебные обязанности, привез Т. и М. по указанному адресу в офис КВК. Выходя из машины, Т. попросил дождаться его и М., пояснив, что они получают деньги и после этого будет необходимо вернуться на завод.

Свидетели Щ. и Р. так же подтвердили версию защиты и дали подробные и последовательные показания об известных им обстоятельствах в части их личной осведомленности о планах и действиях сотрудников службы безопасности КРТ по истребованию части задолженности с компании КВК.

Вместе с тем, по мнению защиты, показания подозреваемых и свидетелей по делу нашли свое объективное подтверждение и в заключении фоноскопической экспертизы № ..в части содержания разговора между представителями КРТ и Б. Сам факт участия Т. и М. в проведении переговоров с Б. на предмет исполнения последним его долговых обязательств никогда не оспаривался защитой и еще до того, как следствию были представлены распечатки разговоров (приложения № 1 и 8 к заключению эксперта) подозреваемые дали подробные показания об обстоятельствах переговоров.

Из содержания представленных приложений к заключению эксперта, не следует вывод о том, что подозреваемые намеревались использовать полученные денежные средства каким-либо образом вопреки интересам предприятия и (или) в личных целях.

Более этого, вопреки показаниям свидетеля Б., заявившего, что Т. с М.м требовали передачи им денежных средств без оформления каких-либо документов, из содержания распечаток видно, что М. (М4) и Т.(М3) неоднократно заявляли Б., что оформят любые необходимые документы по требованию дебитора, что де-факто и было сделано. Следовательно, показания свидетеля Большакова в данной части, опровергаются имеющимся заключением эксперта, представившим распечатки содержания аудиозаписей разговоров.

Таким образом, анализируя собранные по делу доказательства в их совокупности, защита приходит к мнению о необходимости прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п.2 части 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в содеянном признаков состава преступления, поскольку

между двумя юридическими лицами имел место спор гражданско-правового характера, связанный с неурегулированной денежной задолженностью.

Соглашением о прощении долга, заключенным между сторонами в рамках реализации прав любого хозяйствующего субъекта, были высказаны обоюдные намерения сторон по разрешению возникшего имущественного спора путем проведения сделки по прощению долга.

В целях реализации условий соглашения и руководствуясь правовой позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенной в Информационном Письме Президиума ВАС РФ № 104 от 21.12.2005г. о том, что сделки по прощению долга должны осуществляться на возмездной основе, исключаящей признание этой сделки дарением, что прямо запрещается ст. 575 ГК РФ, стороны условились о том, что часть долга в размере 1 000 000 миллиона рублей будет погашена Б., как физическим лицом, являющимся учредителем и генеральным директором ООО «КВК», взамен на прощение оставшейся части долга.

Такая сделка по прощению долга, по своей правовой природе, не противоречит правилам ст.ст. 159, 313 и 415 ГК РФ и более того устно достигнутые договоренности между сторонами о частичном погашении задолженности в рамках заключенного соглашения о прощении долга, не противоречат позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 23 января 2007 г. N 1-П в части, декларирующей свободу договорных отношений в обществе и, как следствие этого, стороны не были обязаны, применительно к правилам ст. 431 ГК РФ о толковании договора, отражать все свои устно достигнутые договоренности процедурного характера непосредственно в самом тексте соглашения о прощении долга.

Само по себе нарушение Т.и М. нормативных Указаний Банка России о порядке проведения кассовых операций и операций с наличностью, при условии неверного истолкования правил ст. 861 ГК РФ, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, поскольку их действия явились следствием недостаточной осведомленности в вопросах правового регулирования и бухгалтерского учета, не осуществлялись с корыстным мотивом, не были направлены на завладение денежными средствами предприятия, и не причинили вреда интересам ЗАО «КРТ», что, по мнению защиты, исключает возможность их уголовного преследования.

По смыслу ст. 8 Всеобщей декларации прав человека во взаимосвязи со ст. 13 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Исходя из изложенного, прошу уголовное дело № 3852 прекратить по основаниям пункта 2 части 1 ст. 24 УПК РФ, разъяснив подозреваемым Т. и М. их право на реабилитацию.

« ____ » _____ 20 __ г.

С уважением,

защитник (адвокат) _____